

Пешком по дну Байкала

— Говорят, ее только на экспорт...

— Правда? Не слыхала.

— Об омуле не слыхала? Как же, еще песня старинная есть: славное море, священный Байкал, грозный корабль, омулевая бочка...

— Так это ж бочка...

Заключение было категоричным: «Врешь, не была ты на Байкале».

Чтобы ни у кого не оставалось сомнений, что мы — клуб «Нептун» КуАИ — там все-таки были и не просто были, а работали в научной экспедиции под руководством профессора М. М. Кожова, я и решила написать.

О ТОМ, КАК НАС ЖДАЛИ

Переписка с Кожовым, ведущим байкаловедом страны, велась зимиою: договаривались о лете. Договорились. Нас ждал манящий Байкал, а профессор ждал нас. Это мы поняли сразу, едваступили на перрон иркутского вокзала.

Голос дикторши застечено-уговаривал пройти к машине, которая нас ожидает. И это в воскресенье, в пять утра! Потом мы уже не удивлялись, узнав, что у Кожова иначе и не может быть.

Два часа в машине — и мы на Байкале, в селе Лиственичном. Домики вперемежку с домами, судостроительная верфь, столовая и... сирень, яркая, почти красная,

байкальская. В июле здесь еще весна. Вода прозрачная, изумрудная и холодная. За нами пришел катер, мы погрузили тонну багажа и двинулись в Коты.

Мы чувствовали, что нас ждут, это вдохновляло и в то же время обязывало.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

На пирсе катер ждал Кожев. Невысокого роста, подвижный, с живыми, слегка насмешливыми глазами, он приветливо ульбался. Мы познакомились. Сразу же к нам подошел светловолосый крепыш, не скрывая легкого презрения (целая фара аквалангистов — кто в это поверит сразу), спросил:

— Вы как, с костюмами (имелись в виду гидрокостюмы) или так, на одном энтузиазме? С этим самым, со вторым, в воду не полезешь — температура + 4.

Мы переглянулись и ответили, что имеем все, в том числе и энтузиазм.

— Это хорошо, — сказал он. Позже мы узнали, что Коля (так его звали) уже пять лет работает здесь аквалангистом, облизал весь Байкал вдоль и поперек и ко всему прочему имеет французское подводное снаряжение. Кроме того, он оказался ми-ровым парнем. И приближаясь на

его первый вопрос было бы смешно, тем более, что на весь Куйбышев имеется всего дюжина гидрокостюмов.

ПЕРВАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Нас разместили в коттедже, на дверях которого красовалось: «Гостиница Муравейник» (значит, жили студенты). Вывеску пришлось сменить на «Отель Нептун». Пусть знают наших! И надо отдать должное — наших местное население признало быстро.

В первую экспедицию отправились четверо. И с первых же дней Байкал внушил нам трепетное уважение. Нам не хотелось называть его озером, настолько он величествен и своенравен — настоящее море. А главное — мы узнали его людей, тех, кто всю жизнь посвятил Байкалу. Навсегда запомнился нам Михаил Михайлович Кожев. Еще студентом он обошел Байкал (1400 км) и остался покоренным им. Сейчас книги Кожева изданы у нас и за границей, известны его монографии о Байкале, а в учченых кругах за ним прочно закрепилось простое, но очень емкое слово — байкаловед. Таким людям, как он, отдавшим всю свою жизнь любимому делу, завидуешь по-настоящему.

Первая экспедиция для нас бы-

ла открытием. Как первокурсники с тайным трепетом произносят малопривычные «семестр», «деканат», так и мы внешне небрежно бросали: «Иду делать разрез». Делать разрез... К концу поездки это стало обычным и никаких особых эмоций не вызывало (кроме как «брр, холодно»). (Разрез значит брать пробы грунта, камней, водорослей на разных глубинах по одной прямой).

В первое же знакомство мы отведали и шторма, и дождя, и разочарований. Дело в том, что первая экспедиция была к целлюлозному комбинату, который сливает отходы в Байкал. Пробы в этом районе берутся каждый год и сравниваются. С каждым годом они все менее утешительные. Но завод работает, и помешать этому пока никто не в силах. Больше всего, конечно, нас огорчило именно это, а потом мы были разочарованы сравнительно бедным подводным миром озера (если сравнивать его с Черным морем). На глубинах в 15—20 метров, кроме водорослей и губок, увидеть ничего не удалось. И Байкал показался нам угрюмым и необитаемым.

И. ЦЕДРИК.

(Окончание следует).

— С Байкала, значит. Ну, как там омуль?

Разумеется, никто не спросил — ни, как там инфузория-туфелька, губка Скворчевского или Лапидус Тумарикото. Сначала мы охотно кивали и подробно рассказывали о погружениях, красотах озера, об омуле. На омуле слушатель оживлялся. «Привез? Засолил? А копченый есть? Ну как, похож на воблу?»

Отвечали. Но число желающих узнать о соблазнительном омуле неизменно росло соответственно числу возвращающихся из летних отпусков, со строек, дач и т. п.

Последний мой разговор выглядел уже приблизительно так:

— Ну, как там омуль?

— Какой омуль?

— Как какой? Рыба такая, только там и водится.

— Да?